

Книги Ольги Громыко,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Тетралогия
«Профессия: ведьма»

ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА
ВЕДЬМА-ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ВЕРХОВНАЯ ВЕДЬМА
ВЕДЬМИНЫ БАЙКИ

ВЕРНЫЕ ВРАГИ
ЦВЕТOK КАМАЛЕЙНИКА
БЕЛОРСКИЕ ХРОНИКИ
ГОД КРЫСЫ. ВИДУНЬЯ
ГОД КРЫСЫ. ПУТНИЦА
КОСМОЭКОЛУХИ
КОСМОПСИХОЛУХИ
(в двух томах)
КОСМОТЕХНОЛУХИ
(в двух томах)
КОСМОЛУХИ: ДО, МЕЖДУ, ПОСЛЕ
КОСМОЛУХИ: РЯДОМ
(в двух томах)
КИБОРГ И ЕГО ЛЕСНИК

КРЫСЯВКИ
Крысиное житие в байках и картинках

В соавторстве с Андреем Улановым

ПЛЮС НА МИНУС
КОСМОБИОЛУХИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОЛЬГА ГРОМЫКО

КИБОРГ И ЕГО ЛЕСНИК

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г87

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1147

Рисунок на переплете
В. Успенской

Иллюстрации
Е. Гаевской

Громыко О.

Г87 Киборг и его лесник: Фантастический роман/Ил.
Е. Гаевской. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»,
2019. — 411 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2826-7

В некоторой галактике, на некоторой планете жил-был простой честный парень со средним специальным образованием по профессии лесник. Жил не тужил (когда не думал о мизерной зарплате, квартальном плане и подлых браконьерах), ловил грибы и пас диких кабанов... Но была у него заветная мечта — обзавестись боевым киборгом, дабы еще лучше нести свою службу по охране природы!

И высшие силы услышали его и ниспослали ему желаемое, чем преподали сразу три урока:

- хотеть не вредно, вредно дохотеться;
- не доверяйте киборгам;
- а людям тем более!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Ольга Громыко, 2019
© Иллюстрации, Гаевская Е. И., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2826-7

Автор выражает свою глубочайшую благодарность: Екатерине Гаевской, чьи рисунки воистину украсили эту книгу, Светлане Кривенкиной, чьих рисунков нет в этой книге, но они навсегда в моем сердце, Людмиле Хлудовой — за героическое исполнение роли трупа, живого и мертвого, лесникам, чьих имен лучше не называть, чтобы они не побили меня за то, как я использовала полученную от них информацию, а также всем тем, кто больше года бродил со мной по Лесу!

«Уважаемый Евгений Николаевич!

Финансовое управление Северо-молотского лесничества сообщает, что в настоящее время выделить денежные средства на покупку служебного киборга не представляется возможным в связи с отсутствием свободных денежных средств.

Заместитель главы СОЛ *Полещук Григорий Борисович*».

Внизу было размашисто приписано: «Леший, ты обалдел?! У меня людям на зарплату едва хватает!»

Женька раздраженно скомкал в кулаке виртуальное письмо, и оно рассыпалось цифровой пылью.

У браконьеров киборги были, их-то в средствах никто не ограничивал... ну, кроме Женьки, который чисто физически не мог одновременно находиться во всех десяти тысячах гектаров подведомственной ему территории. Да если бы и находился — вконец обнаглевшие от безнаказанности злодеи не спешили поднимать руки вверх. Гражданским киборгам разрешено носить и использовать станнеры, и «угроза хозяйской жизни» давала им карт-бланш пальнуть в лесника даже раньше, чем хозяин успеет это приказать. Женька сбился со счета, сколько раз он валялся на земле в оковах болезненного паралича, в бессильной ярости глядя неспешно уходящим злодеям в спину. А в последний раз — самый позорный, уж лучше бы подстрелили! — браконьер просто приказал киборгу «малость придержать» лесника, на его глазах неспешно разделал кабанью тушу, разложил по вакуумным пакетам и покидал в багажник флайера. Затем свистнул киберу, как собачке, и очнулся Женька уже под землей. Точнее, подо мхом, за несколько часов радостно затянувшим бесчувственного человека с головой.

Насквозь промокший, с раскалывающейся башкой, злой как черт Женька в сумерках ввалился в жилой модуль и, не стесняясь в выражениях, накатал руководству пространный отчет о происшествии, завершив его просьбой, нет, категорическим требованием укомплектовать штат киборгом! Женька даже был согласен оплачивать ему корм из своего кармана, лишь бы купили. И вот, нате вам с утрачка пораньше — официальный ответ, вернее, отмазка!

«Уволюсь! — злобно подумал Женька. — Уволюсь к чертовой матери! Пусть сами своих свиной пасут! Мало того что зарплата мизерная, так еще и каждую неделю мордой в грязь — то от браконьеров, то от начальства! Я вам что — киборг?! Вот до конца месяца доработаю, и адью!»

Башка до сих пор гудела, в месте удара прощупывалось горячее болезненное уплотнение. Женька, морщась, покрутил головой перед зеркалом в санузле, но разглядеть шишку под двухсантиметровым ежиком рыжеватых волос не удалось. Избавиться от ощущения, что она размером с кулак, — тоже.

Поплескав в лицо холодной водой и немного очухавшись, Женька побрел на кухню, открыл холодильник и сразу закрыл — при виде еды замутило. Наверное, стоило слетать в больницу — вдруг сотрясение мозга или трещина в черепе?! — но садиться в таком состоянии за штурвал Женька опасался, а вызывать «скорую помощь» было стыдно. Живой же, ходит. Если там просто ушиб — засмеют!

Снаружи уже рассвело, хотя ленивое эдемское солнце еще нежилось за горизонтом под периной облаков. На озере сейчас самый клев, а еще — нерест у крибитов, поэтому с начала месяца рыбная ловля запрещена. Вообще-то вода не относилась к Женькиной юрисдикции, но браконьеры — любые! — люто его выбешивали, и если мимо мальчишки с удочкой Леший проходил с усмешкой, сам таким был, то рыбакам с сетями или хуже того — с гранатами — пощады от него ждать не стоило.

Если, конечно, у них не было киборгов.

«Пойду на обход, может, развеюсь, — решил Женька, вытаскивая из стиральной машины еще теплую, тошнотворно пахнущую «луговыми цветами» форму лесника: штаны и куртку цвета хаки с нашитой на правом рукаве эмблемой. — Похоже, все-таки сотрясение, ёпт...»

Женька покосился на холодильник — обход мог растянуться и на полдня, и до вечера, надо бы завернуть с собой пару бутербродов, — но подумал, что перебьется. Лучше здоровое чувство

голода, чем вот это мерзкое подташнивание от любого резкого запаха.

Сунув в кобуру станнер, а в ножны — профессиональный виброрезак, которым в случае необходимости даже вековое дерево можно свалить, лесник накинул на плечи полупустой рюкзак — аптечка, термос с чаем, фонарь, сигнальная ракетница и еще кое-какой рабочий инвентарь — и все-таки распихал по карманам несколько покупных, словно облитых зеленым воском, яблок. Они не пахли и тошноты не вызывали; аппетита, впрочем, тоже.

Женька напоследок окинул взглядом свое скромное холостяцкое жилье, большего беспорядка, чем обычно, не заметил, открыл дверь — и замер на пороге.

В десяти метрах от него стоял матерый двухсоткилограммовый кабан-секач.

Несколько секунд зверь и лесник буравили друг друга маленькими красными глазками (а какими еще они могут быть у человека с пробитой головой, у которого ноет все тело?!), потом Женька сунул руку в карман и, сам себя смущаясь, умиленно заюсюкал:

— Филя, Филенька, иди ко мне!

Вепрь с радостным хрюканьем подбежал к леснику, на ходу распахнув клыкастое хлебало. Женька вложил в него яблоко, и пока зверь с чавканьем разгрызал угощение, почесал щетинистый горб; наклониться для этого пришлось совсем чуть-чуть. Кабан блаженно завертел хвостом, и у Женьки потеплело на душе. В принципе можно потерпеть и до конца сезона, чтобы спокойно все дела закрыть и передать. Сезон заканчивался поздней осенью, когда отпадал геморрой с посадкой-вырубкой леса, исчезала угроза пожаров и вспышек макушечных червей, птицы откочевывали на юг, а зверье сбивалось в удобные для подсчета с флайера стаи — можно уже не сбивать ноги по чащобе, разыскивая гнезда и логовища! — и после недели-другой затишья наступала зима. В этой части Эдема она очень холодная и голодная, с вьюгами и бурями. Браконьеры по такой погоде не шибко шастают, но кабанам все равно приходится туго, ведь грибы, их основная кормовая база, залегают в спячку глубоко под землей. Вепри начинают выходить к жилью, раздвигать стога, вламываться в теплицы и даже нападать на домашнюю птицу и мелких собак. Фермерам это, понятное дело, не нравится, силовых оград на все поля не напасешься, а «самооборона» против животных разрешена... Вот только Женька не раз и

не два видел нарочно рассыпанное по бровке поля зерно и «забытые» кучки ботвы. Халявное мясо, экологически чистое, само пришло!

Мясо шумно и жарко обнюхивало Женькины штаны подвижным, как хобот, пятаком.

«Да кого я обманываю?» — Женька вздохнул и достал из кармана второе яблоко. На его место, конечно, быстро найдется другой лесник, незаменимых людей нет. Ну хорошо, не очень быстро, таких дураков все-таки поискать надо. Но в конце концов появится какой-нибудь молодой, кипящий энтузиазмом (или, что вероятнее, по распределению) выпускник техникума и займет Женькин модуль. Разок обморозит ноги, разок словит заряд станнера, разок заночует на березе — и предпочтет до истечения контракта сражаться со злом только в компьютерных играх. А убыль кабаньей популяции спишет на естественные причины — чума там или всплеск токсичности у грибов... К тому же от Женьки, прямо сказать, пользы не намного больше. Всего пару браконьеров за год поймал, и то самых мелких, трусливых и совестливых, а матерая шваль над ним только похотывает.

Но поймал же все-таки, хоть несколько животных от смерти спас! И Филька, опять же... Наглое рыло, но беззлобный и умный, как пес. К модулю он прибилась пять лет назад тощим полугодовалым подранком. Это была и его первая зима, и Женькина в качестве лесника. Им обоим тогда пришлось несладко, а такое сплачивает.

— Так, все, вали! Хочешь жрать — иди грибы лови, не маленький!

«А мне, если я хочу и дальше здесь работать, — мрачно подумал Женька, углубляясь в лес, — жизненно необходим киборг!» Может, по барахолкам поискать, по аукционам? Знакомые фермеры не раз хвастались, что купили задешево, списанных, подлатали и пустили в дело или выгодно перепродали. Личный киборг намного лучше служебного, его не смогут внезапно отозвать и перебросить на другой участок... правда, и его поломку никто не оплатит, придется беречь ценное оборудование пуще себя...

Мысли благополучно свернули с «всех убью, уволюсь и повешусь!» на «где достать две, а лучше три тысячи единиц?». Идею о шикарной блондинке Igen'e Женька посмаковал и с сожалением отверг. Киборг нужен крупный, сильный, из линейки DEX'ов, чтобы смог заломать ту браконьерскую скотину!

Женька его хорошо запомнил, даже лучше, чем самого браконьера, — здоровенный лось со стрижкой-ирокезом, собранным в хвостик на затылке, и тоже немелкого лесника он тогда скрутил, как ребенка.

Филька проводил человека с полкилометра и отстал, увлекшись потрошением гнилого пня. Некоторые обломки пытались незаметно зарыться в мох, но кабан безошибочно вынюхивал древоточцев-хамелеонов среди настоящей щепы. Женька знал: если свистнуть, то Филька все бросит, догонит и будет таскаться за ним до упора, но по-хорошему леснику вообще не стоило приручать дикого зверя. Браконьеры таких доверчивых любят. К счастью, других людей кабан остерегался — помнил, откуда у него лысая бугристая полоса поперек левого бока, и Женька не хотел его разубеждать. Авторитета среди местных жителей леснику такой компаньон, конечно, добавил бы, но и уязвимости — тоже. Женька и собаку-то потому не хотел заводить, что одну отравили, другую пристрелили, пытаясь показать Лешему, кто в лесу хозяин...

Киборг, только киборг! Его хотя бы не жалко.

Башка постепенно перестала гудеть, а разработавшиеся мышцы — ныть. Женька размашисто мерил берцами мох, привычно отмечая: вон то дерево зимы не перенесет, рухнет — уже наполовину засохло и накренилось, наверное, грибы подгрызли. Макушки молодых елочек кое-где побурели, но пока некатастрофично, может, сами справятся с микозом. Ага, снежные коршуны все-таки вернулись в прошлогоднее гнездо, вон голова над краем виднеется! Женька поднес к глазам бинокль, чтобы убедиться — это действительно сидящая на яйцах самка, а не клочок пуха. Еды им в этом году хватает, мышовок расплодилось уйма, из-под ног так и шмыгают.

Автонастройка забарахлила, изображение размылось, и Женька с досадой опустил руку. Как же надоело это старье, тяжеленное и ненадежное!

Планету Эдем человечество колонизировало первой — с шумихой и пафосными речами о новой колыбели человечества. Провели терраформацию, построили десяток городов, заманили миллионы людей обещанием неслыханных льгот на бизнес и размножение, а потом обнаружили еще кучу планет класса А1-А2, более комфортабельных, перспективных и богатых полезными ископаемыми, и Эдем плавно деградировал до деревенского захолустья. Новый Бобруйск, изначально планировавшийся как аграрная планета второго эшелона, и то давно его обогнал.

Терраформация тоже оказалась неважной, халтурной. Сотрудничество с центаврианами тогда только начиналось, и людей потряс сам факт превращения дикой и опасной планеты в нечто землеподобное, с пригодной для возделывания почвой и привычной, хоть и генномодифицированной, природой. Однако уже через несколько лет сляпанная на скорую руку экосистема начала разваливаться, половина видов животных и растений передохла, а из-под земли поперли грибы, благополучно переждавшие «апокалипсис» в спорах. Следом по сельскому и лесному хозяйству катком прокатилось несколько вспышек паразитарных и бактериальных инфекций, за избавление от которых пришлось доплатить немалую сумму, и, хотя со временем все более-менее устаканилось и притерлось друг к другу, райского разнообразия и изобилия на Эдеме до сих пор не наблюдалось. Из крупных животных остались только дикие свиньи — небольшая, но стабильная популяция, взявшая на себя роль санитаров леса: эдемские вепри отважно охотились даже на красные сыроежки, значительно снижая их численность.

Увы, вкусное мясо и трофейные шкуры перевешивали несомненные заслуги свиней перед человечеством. Да, они числились в списке охраняемых видов, а в столице даже памятник вепрю установили, но на практике между свиньями и людьми стояли только такие вот Лешие, и их было катастрофически мало.

В лесхозный техникум брали всех, кто хотя бы пришел на экзамен. Знания — дело наживное, главное — готовность заниматься тяжелым, неблагодарным и низкооплачиваемым трудом. Родители тем не менее Женькой гордились. Детей у них было еще шесть штук, одного можно и пожертвовать в фонд «Живых»... ну, то есть молодец, слез с их шеи и занимается любимым делом! По нынешним временам это уже многого стоит.

А лес Женька любил с детства, они с дедом часто ходили туда собирать «бубенчики» папоротника и охотиться на грибы. Один раз так заблудились, что пришлось заночевать на дереве, сделав настил в развилке. Женька тогда совсем не испугался, только устал очень. Ночь была теплой и звездной, а на рассвете под настил пришло стадо диких свиней, и мальчик, свесив голову и затаив дыхание, смотрел, как они с деловитым похрюкиванием роются во мху и чавкают сочными луковицами лапушника.

Прошло семнадцать лет, а Женька до сих пор помнил тот свой детский восторг. И даже сейчас, топая по утреннему лесу, ловил его отголоски.

Папоротник еще не созрел, свисающие с изнанки листьев спорангии были зелеными, кислыми и маслянистыми. Женька

не удержался, сорвал несколько штук (бабушка пугала, что они могут прорасти в желудке, но это только если с ним и так проблемы) и закинул в рот. Есть по-прежнему не хотелось, зато тошноту они прогнали окончательно.

Лесник дошел до старой вырубки, за два года по пояс заросшей березовым самосевом, потом до новой и убедился, что лесопильный комбайн не залез за границы отмеренной подрядчикам делянки. Ну, лишь в самом углу, буквально на пару метров, оператор плохо радиус поворота рассчитал. Цепляться к ерунде и составлять акт Женька не стал, хотя мог бы срубить на этом неплохие откупные. Перебросился парой слов с прорабом, выслушал скомканные извинения, кивнул и поскорее ушел с вырубки.

Леса Женьке было жалко, комбайн выедал его вместе с корнями, оставляя за собой красноватую перепаханную полосу, густо усыпанную щепой, листьями и веточками. Страшно представить, сколько мелкой живности погибло вместе со своими гнездами! Понятно, что это возобновляемый ресурс, через двадцать лет здесь поднимутся новые деревья... И все равно жалко, ведь это будут *другие* деревья.

Женька пробирался сквозь чашу, пока адский грохот лесокосилки не превратился в далекий, ровный гул. На какой-то момент показалось, что заблудился (смешно!), потом сориентировался по подрытой грибами березе и уверенно свернул вправо. Там балка с кабаньей тропой, с виду наглухо заросшая кустарником, в нее даже бабки-гриболовки не суются, но если знать лазейку, то можно пройти по ровному, утоптанному дну больше километра.

Спустившись в балку, Женька принялся громко насвистывать, сообщая вперед о своем визите. Не хотелось бы застать их врасплох, хотя по деревьям лесник лазил умело, быстро, а батарея станнера заряжена на две трети. Мощные, стремительные и агрессивные, дикие свиньи никогда не нападали на людей первыми — Женька уйму раз натыкался на свежие, еще земля не остыла, лежки, при этом животные с них словно испарились, беззвучно удрал от человека.

Дно балки было изрыто кабаньими копытами и рылами, однако лесник сразу понял, что стадо проходило здесь давно, вчера или даже позавчера, в сухую погоду след долго держится. Женьку это разочаровало. Он любил представлять, что совсем рядом, может, вон за тем кустом, затаилось большое, опасное животное, провожающее его взглядом. Словно идешь по чужой

планете, вроде и с миром, но нужно быть крайне внимательным, чтобы его не нарушить.

Свистеть, впрочем, лесник не перестал. Если свежих следов нет с этого конца балки, совсем не факт, что их нет с другого!

Женька поднырнул под поваленный ствол, ухватился за торчащую ветку, чтобы помогла выпрямиться, но в последний момент заметил краем глаза кое-что странное и чуть не навернулся, раньше времени разжав пальцы.

След. Вот только не кабаний.

Лесник поставил берец рядом, покачал с боку на бок, глубже впечатывая в землю. М-да, тут явно не бабка ходила... Размер один в один с Женькиным, но узор протектора совсем другой. Человек прошел здесь уже после кабанов, не меньше шести—восьми часов назад.

«Чертов браконьер!» — екнуло в груди. Ощущение было такое же мерзкое, словно вернулся домой и обнаружил этот след на полу за порогом. Раньше о тропе в балке знали только кабаны и лесник, какая сволочь сюда вперлась и что ей надо?!

Дальнейшее расследование показало, что сволочь прошла до дна балки по стволу, местами ссадив на нем лишайник и кору, а как попала на ствол — непонятно, повторить ее маршрут Женька не смог, уперся в непролазные, нетронутые кусты. С флайера она спрыгнуть тоже не могла, он бы сюда не подлетел.

Временно отложив вопрос «откуда?», Женька занялся выяснением — «куда?». Чужак двигался широким размеренным шагом, даже, похоже, бежал, носки пропечатались сильнее пяток. Нет, это точно не грибник и не заблудившийся турист! Он точно знал, куда залез и что ему здесь надо. Даже возле перешейки из двух почти сомкнувшихся кустов не притормозил, просто развернул корпус и проскочил между ними боком. Паук, успевший заплести щель ловчей сетью, уставился на Женьку с пророческой ненавистью — в следующий момент труд его бессонной ночи снова безжалостно разорвали.

За кустами балка расширялась, но ее перегораживала продолговатая куча словно бы из грязных снежков или огромных зерен попкорна.

Лесник сразу понял, *что* перед ним, и бессильно выругался. Что ж ты даже тушу не забрал, урод?! Это уже не браконьер, а маньяк какой-то, убивающий чисто ради удовольствия!

Женька категорически не понимал, в чем кайф стрельбы по живым существам. Он честно отслужил в армии обязательные полтора года, но переходить на контракт отказался, хотя его и

начальство уговаривало, и даже родственники-друзья, полагая, что для рослого сильного парня, не обремененного красотой, талантами и амбициями, это самое то. Женька, в общем-то, был не против защищать родину, но в данный момент на нее никто не нападал, а утаптывать плац, разгонять демонстрации и ввязываться в чужие военные конфликты он не видел смысла. Да и в целом был человеком мирным, хоть и метким.

Лесник снял станнер с предохранителя и всадил в кучу несколько зарядов, целя в разные места. Оглушенные трутовики посыпались с добычи, как теннисные шарики, куча осела и расплзлась, до середины обнажив лежащий на животе свиной скелет. Судя по размеру и коротким клычкам — взрослая самка, что вдвойне досадно. Самок в эдемской популяции и так намного меньше, чем самцов, они хуже переносят морозы.

Следы уходили под кучу и той же редкой, четкой цепочкой продолжались за ней, а затем возвращались обратно, теперь в компании, и с той стороны скелета их было много-много, вперемешку. Похоже, бегун прошел балку до конца, отыскал удобный лаз наверх (снаружи его фиг заметишь!) и привел по нему второго охотника. Браконьеры завалили вепря, сголографировались с трофеем и отправились восвояси, бросив труп сыроежкам — трутовики-то мяса не едят, они уже потом напоззли.

Женька достал из нагрудного кармана видеофон и сделал несколько снимков для отчета. Будет повод опять капнуть Борисычу на мозги: «А вот был бы у меня киборг...»

Трутовики быстро оправались от нейрошока (сколько в них тех нервов-то!) и принялись частью расплзаться, частью снова присасываться к еще розоватым костям. Через неделю от скелета останется только пятно белой плодородной трухи вперемешку со спорами.

И тут Женька вспомнил, что Сережка Крускоп, бывший одноклассник и нынешний преподаватель зоологии, просил у него полный скелет вепря для университетского музея. Куда уж полнее — молодое, здоровое животное, даже все зубы на месте! Так, по крайней мере, в смерти свинки будет хоть какой-то смысл.

Лесник еще пару раз пальнул по трутовикам и ногами распинал-разогнал их подальше от скелета. Достал из рюкзака скатанный в рулончик тонкий, но очень прочный мешок, раскатал и встряхнул, наполняя воздухом. Пятнадцать—двадцать килограммов должен выдержать. Тащить их на своем горбу до модуля Женька не собирался — только подвесить на ветку, чтобы трутовики не добрались, а позже вернуться сюда на флайере.

Первым лесник осторожно, со шемющим чувством вины, опустил в мешок свиной череп. Скелет разбирался легко, только иногда приходилось подпиливать ножом остатки сухожилий. Передние ноги, ребра, позвонки, таз... Женька потянул за берцовую кость — и не понял. Это еще что за ерунда? Копыто задней ноги словно приросло к земле, а когда лесник рванул посильнее, кости конечности разъединились, но не распались, повисли в воздухе, как бусины на невидимой леске.

Лесник от неожиданности разжал пальцы и отпрянул. Кости упали на землю — опять же, не абы как, а будто чем-то скрепленные.

— Ну ё-моё... — тоскливо протянул Женька.

Кабаниху застрелили не на бегу, она попала во фреанский капкан. Подлая и соответственно все больше набирающая популярность у браконьеров штука — одна такая уже лежала у лесника в рюкзаке, конфисковал у подозрительного «грибника» и все забывал достать и убрать в сейф. Активированный капкан глубоко вгрызается в землю сотнями ветвящихся нанонитей в оболочке силового поля, формируя корневую систему на зависть вековому дубу, а под самой поверхностью затаиваются ловчие щупальца. Освободить из них даже голую кость нереально: щупальца устроены так, чтобы максимально плотно прилегать к телу жертвы, они не рвутся и не режутся. Если попавший в капкан зверь худеет, они затягиваются теснее, при этом не пережимая и не повреждая ткани, как обычный силоч. Якобы «гуманная» ловушка, штраф за ее использование небольшой, а за хранение — вообще никакого, но Женька ненавидел эту дрянь больше, чем оружие. Там хотя бы бах, и готово, а в капкане животное может мучиться несколько часов или даже дней.

Тут в голову пришла еще одна мысль, заставившая лесника передернуться. Обычно браконьеры все-таки охотятся на животных ради мяса, эдемская вепрятина — экзотика, на черном рынке за нее дают хорошие деньги. Чтобы скормить ее грибам, надо действительно быть маньяком.

А значит, в кабаниху вообще никто не стрелял, браконьеры наследили, когда устанавливали капкан.

И первыми к нему успели сыроежки.

Взрослый, здоровый вепрь легко справится с десятком хищных грибов или убежит от них, но окруженному целой стаей и прикованному за ногу деваться некуда.

Лесник остервенело, одним резким взмахом вытряхнул кости из мешка. Они широким полукругом разлетелись по идущей под уклон земле, череп аж на несколько метров откатился и

укоризненно уставился на Женьку пустыми глазницами. Отключить фреанский капкан может только тот, кто его поставил или у кого есть боевое оружие, но лесникам оно не полагалось. Якобы на все про все станнера должно хватать, они же не копы!

Если бы сейчас перед Женькой явился дьявол и предложил продать душу за киборга, лесник даже не дал бы ему закончить свое рекламное предложение — схватил бы за грудки и не отпустил, пока тот первым не подпишет контракт.

Лесник с яростью огляделся по сторонам, но вместо рогатого мужика в клубах серного дыма заметил неподалеку еще один холмик из трутовиков, совсем небольшой. И вон там, дальше по тропе, они тоже зачем-то скучковались...

Кабаниха была с поросятами. Маленькие, растерянные, они крутились возле плененной матери, пока не пришел и их черед.

И вот тут-то Женьку бомбануло.

— Сволочь! — заорал он на всю балку, а то и на весь лес. — Ну погоди, браконьер поганый! Ты у меня щас попляшешь!

Лесник сорвал рюкзак с плеч и принялся лихорадочно в нем рыться. Может, все-таки машинально выложил?! Нет, вот он, в боковом кармане!

Женька согрел в ладонях увесистую капсулу, приучая ее к своей ДНК и одновременно активируя. Коричневая и гладкая, она напоминала гигантское яйцо насекомого, заостренное с одной стороны и плоское, с шипиками по краю, с другой. Когда изнутри капсулы пошло ответное тепло, лесник поспешно бросил ее возле прикованных костей и на всякий случай отскочил на несколько шагов. Почти сразу же оболочка капсулы с легким хлопком исчезла, а ее похожее на ртуть содержимое мгновенно всосалось в землю. Минута — и капкан лесника встроился вплотную к браконьерскому, переплелся с ним «корнями». Таковую подлянку даже киборг не заметит и не сможет предупредить хозяина! Браконьер обязательно вернется проверить ловушку, подойдет, наклонится, чтобы ее забрать, и... почувствуй себя в кабаньей шкуре, ублюдок!

Женька смачно плюнул на землю и не оглядываясь пошел к выходу из балки.

* * *

В модуле лесник пластом рухнул на кровать прямо в рабочей одежде и заснул как выключенный, а когда открыл глаза, за окном стояла глухая темень — то ли уже, то ли еще. Все-таки «уже», первый час ночи.

Женька нехотя сел и поморщился: башка снова трещала. И есть хотелось.

Пришлось вставать, переодеваться в домашнее и разогреть банку консервированного рагу. Ёпт, ну чего этим вепредам не хватает, а?! В магазинах же полно всевозможного мяса, от псевдоплоти и реалистично, даже с костями, напечатанной на пищевом принтере курицы из белка насекомых, до настоящей птицы, свинины и говядины. Женька прекрасно понимал, что между домашней свиньей и дикой не такая уж большая разница, но вепри были для него чуть ли не коллегами, тоже стоящими на страже леса. Есть их... ну как служебных собак, ёпт! Хотя некоторые и собак едят.

Поужинав, лесник заварил себе кружку чая и, подумав, плеснул туда немного травяного бальзама, а то что-то в горле першило.

Обычно от алкоголя люди тупеют, но, когда по телу растеклось расслабляющее тепло, Женька, наоборот, понял, какую ужасную ошибку совершил.

Во-первых, в капкан может попасть не только браконьер, но и другой кабан.

Во-вторых, если у браконьера окажется при себе бластер или лазер, то он запросто расстреляет капкан и посмеется над наивным лесником.

В-третьих, если браконьер не сумеет освободиться и его сожрут сыроежки, то Женька станет убийцей!

Сидеть в тюрьме из-за какого-то мерзавца совершенно не хотелось. Это он, Женька, его туда запихнуть должен, остальным в назидание! Иначе это бессмысленно: новый лесник появится в районе не скоро, а новые браконьеры завтра же толпами набегут.

Пришлось переодеваться снова, хватать рюкзак, станнер и выводить из гаража флайер. До балки всего пара километров, но ночь — не лучшее время для лесных походов, а за час многое может случиться.

В свете фар взлетающей машины по поляне побежало несколько длинных, гротескных теней — кажется, Женька испортил Фильке вечеринку. Кабаны инстинктивно чуяли, что здесь они в безопасности, и лесник находил возле модуля больше следов их пребывания, чем где бы то ни было.

Вплотную к балке не подлететь, однако Женька знал подходящую прогалину неподалеку. От флайера снова метнулись какие-то тени, помельче и пошустрее. Грибы? Зайцы? Ну, главное, что не нападают и сами успели удрать.

По словам немногочисленных туристов с других планет, Эдему сильно не хватало спутника. Ночь уж наступала так наступала, давила всмятку, особенно в лесу. Женька, правда, знал о лунах только из фильмов и слабо представлял, какво это — светлые ночи. А спать тогда как? С наглухо закрытыми ставнями? Или привыкаешь? Но сейчас лесник был бы очень рад чему-нибудь помощнее фонаря. Ноги скользили по ослившему от росы мху даже на ровном месте, а спуск по склону превратился в жесткий квест с хватанием за все попутные ветки.

Очутившись на дне балки, Женька замер и прислушался. Тишина. Гробовая. И свежих следов на тропе нет, ни человеческих, ни кабаньих. Полоса темной, голой земли заметно сузилась, мох стремился затянуть шрам на своей шкуре.

Это обнадеживало.

Женька уже увереннее двинулся вперед. Под лучом фонаря кусты испуганно трепетали листвою и порой отсвечивали глазами в ответ, но вся живность была мелкой и боялась человека больше.

Ну где этот чертов капкан? В темноте оценивать расстояние и опознавать местность сложно, хотя до щели в кустах лесник пока точно не дошел, такое пропустить невозможно. Ага, вон, кажется, и она...

Сперва Женька подумал, что это тень от высокого пня или кочки. Вот только ничего подобного рядом не было, а когда лесник повел фонарем, она сама обросла тенью, полыхнула алыми глазами и беззвучно вытянулась вверх метра на два.

Такого inferнального ужаса Женька не испытывал с детства, когда ночью в полусне побрел в туалет, открыл дверь — и увидел белое, парящее во мгле привидение. Через минуту в доме не спал уже никто, а отец виновато оправдывался перед разгневанной матерью, что вовсе не хотел пугать ребенка, — ему самому приспичило оседлать унитаза, свет резал бы глаза, в одеяло он завернулся от холода, а запереться забыл...

Тень ничего не говорила. Просто стояла и пырилась, словно высасывая душу, и это было еще страшнее. Казалось, прошла целая вечность, пока Женька окостеневшей рукой пытался нащупать станнер, но стоило пальцам сжаться на рукояти, как паралич схлынул. Лесник отважно направил на тень оружие и почти не дрожащий луч фонаря и наконец понял, с какой нечистью столкнулся, а заодно причину ее странной неподвижности.

Страх так резко сменился ликованием, что Женька пошатнулся, опьяненный впрыском эндорфинов.

— Вау, кого я вижу! — протянул он, истово благодаря все-ленскую справедливость за то, что она все-таки существует.

Киборг был тот самый, браконьерский «лось» в стильном черном комбезе, что сперва держал Женьку, а потом вырубил. И следы за ним тянулись очень знакомые, это лесник заметил, когда уже подошел ближе. Браконьерский пособник опять прибежал с другой стороны балки, материализовавшись на поваленном стволе. Но теперь-то все, добежался! Судя по виду штанин, капкан сцапал киборга за правую ногу, обвинив ее невидимыми щупальцами от щиколотки и почти до паха.

— Что, свининки захотелось? — глумливо поинтересовался лесник, нарочно светя пленнику прямо в глаза, но так и не вынудив отвернуться. Только зрачки в точку сузились, сделав выбеленное светом лицо совсем кукольным. — Или молочной порсятинки?

Киборг оказался длиннее, чем Женька думал, и, когда он внезапно упал на живот, вытянув вперед руку, пальцы царапнули по носку берца. Вообще-то киборг метил в щиколотку, но Женька чудом успел отпрыгнуть. Видимо, сработало шестое чувство, потому что опередить такой бросок нереально — только предсказать.

— Твою ж... — Лесник поспешно сдал еще дальше, на одно-значно недостижимое расстояние.

Киборг тоже не стал разлеживаться, вернулся в исходную позицию, не выказывая досады от неудачной попытки. Просто приготовился к следующей.

Женька смущенно отвел фонарь в сторону. Совсем забыл, что это не человек, издеваться над ним глупо и даже как-то стыдно. Полицейский же не станет скакать вокруг флайера числящегося в розыске преступника, пиная машину в борта с криком: «Попался, гад!» Флайер-то ни в чем не виноват, хозяина надо ловить.

Эйфория от поимки знатной добычи постепенно угасала, и до Женьки дошло: ну ладно, гад попался, а дальше?!

Чтобы отключить капкан, необходимо подойти к нему вплотную, прижать руку к основанию щупалец и подержать так несколько секунд.

Чтобы свернуть человеку шею, киборгу хватит и одной.

Женька без особой надежды на успех достал свое удостоверение, но браконьер конечно же ни охотничьей, ни рыболов-

ной лицензии не брал и киборга как вспомогательное оборудование не регистрировал. Иначе «лосю» установили бы программу подчинения не только полиции, но и служащим лесхоза.

— Эй! — на пробу окликнул Женька. — Может, поговорим?

Биомашина продолжала молча буравить его алыми глазами, как двумя лазерными прицелами. Вариант с шеей нравился ей определенно больше.

— А с твоим хозяином? Он сейчас меня слышит? У тебя вон гарнитура в ухе, я вижу!

Никакой реакции.

Лесник растерянно поскреб затылок. Достать из капкана вепря несложно: пальнул из станнера, и следующие десять минут можно делать с парализованным зверем что угодно. С браконьером-человеком еще проще, хотя лучше тоже пальнуть. Пусть знает, каково это!

Но киборгов станнер не берет, тут Женька был уже в курсе. Печальный, надо сказать, опыт.

— Ну ладно, — многообещающе пробормотал лесник. — Как удачно я сегодня выпался!

Женька не сомневался, что хозяин киборга где-то рядом или скоро будет. Не бросит же он такое ценное оборудование, штраф за браконьерство — на порядок меньше!

Лесник вытащил из рюкзака аварийный маячок, активировал его, и по балке заметались красные сполохи. Освещали они так себе, создавая ощущение адской дискотеки, где даже неподвижные предметы словно дергаются в конвульсиях. Но главное — «живца» видно и десятиметровое пространство вокруг него — тоже.

Женька выключил фонарь, забрался поглубже в кусты, выломал в них гнездо и залег в засаду. Киборг, правда, продолжал держать наводку прямо на лесника, но с этим ничего нельзя было поделывать. Только чутко прислушиваться, чтобы браконьер не подобрался со спины, — ветки хрупкие, предупредят.

* * *

К полудню игра «кто кого пересидит» изрядно Женьке надоела. Все тело затекло, хотелось есть, пить и много чего еще. Был бы у лесника напарник (киборг!!!) — сменил бы его или хотя бы пожрать принес и свежего чая в термосе.

Браконьер за своим киборгом так и не пришел. Ну или пришел, связался с ним через гарнитуру, уяснил обстановку и

предпочел смыться. Видимо, на его совести были и другие грехи, посерьезнее, которые киборг не окупит.

А может, браконьер точно так же сидит в соседнем кусте и материт упрямого лесника.

Женька зевнул, протер усталые глаза и с отвращением уставился на киборга. Как и все ночные хищники, при дневном свете тот выглядел куда менее крупным и страшным. Стильным и черным его комбез был несколько лет назад, с тех пор заметно полиняв и истрепавшись. Волосы тоже словно выцветшие, пыльно-серые; потухшие с рассветом глаза ненамного темнее, со странным, неестественным для человека, лиловым оттенком. Черты лица резче, «благороднее», чем у Женьки, но из-за кукольной неподвижности вызывают не симпатию, а только еще большую неприязнь. За почти двенадцать часов киборг пошевелился лишь несколько раз, слегка изменив позу. Наблюдать за грызущим лист клопом и то интереснее, Женька потому его и не трогал, хотя клоп был злостным вредителем и периодически объявлял людям войну за власть над лесом.

Еще через час терпение лесника лопнуло, и он отправился на разведку. Пожалуй, навык быстро и ловко ползать по пересеченной местности оказался самым полезным из всей армейской выучки, хотя Женька оценил его только на гражданке. Киборг, зараза, продолжал неотрывно пасти лесника сквозь слои кустов, демаскируя его продвижение, однако знать, в какой стороне находится враг, и попасть в него — две разные вещи. Женька даже надеялся, что браконьер не выдержит и пальнет, выдав себя.

Но ни в соседнем кусте, ни в других перспективных «огневых точках» лесник никого и ничего не обнаружил. Похоже, браконьер вообще не спускался в балку. Ждет, когда киборг сообщит ему, что лесник ушел? Он правда думает, будто Женька так легко сдастся?! Наивный!

Лесник рискнул бегом смотаться к флайеру за коробкой с НЗ-пайком. Территория большая, на облете всякое может случиться, и в ящике под пассажирским сиденьем всегда хранился трехсуточный запас воды и провизии, а также расширенная аптечка, со стимуляторами в том числе.

Вернувшись на сторожевой пост (киборг на месте, уф!), Женька скрутил крышечку бутылки с водой и с наслаждением вынул сразу половину. Вскрыл контейнер с паштетом, обмакнул в него галету и издевательски отсалютовал ею киборгу: мол, а вам — фи́га с маслом!

Киборг перенес вес с одной ноги на другую и снова замер. Женьке стало его почти жалко: он же, считай, просто попавший в плен солдат, хоть и вражеский. А ему ни присесть не дают, ни поесть... и не дадут! Пусть хозяин за него переживает, может, не выдержит и все-таки придет.

* * *

Несмотря на таблетки, вторая ночь далась Женьке гораздо труднее первой. На противоположном склоне балки проклюнулась стайка груздей, они возились во мху и характерно, скрипуче взвизгивали, как трущиеся друг о друга воздушные шарики, затмевая прочие звуки. «Кабанов на вас нет!» — раздраженно думал лесник.

Кабанов действительно не было, они обходили окончательно оскверненную балку стороной. Клоп объел одну веточку и переполз на другую. От назойливого мигания маячка у Женьки рябило в глазах, даже когда он их закрывал. Головная боль перешла на новый, метафизический уровень.

Киборг снова встретил рассвет на ногах, и Женька наконец сообразил, что браконьер находится в заведомо выигрышном положении. Ведь непрерывно напрягается, не спит и не ест десятижильная биомашина, а ее хозяин только ждет отмашки — все, противник спекся, прилетай и забирай меня! Стратегия выжидания в данном случае гораздо эффективнее активных действий, особенно если браконьер уже махнул на киборга рукой. Сможет его вернуть — хорошо, нет — ну и черт с ним. Убьет еще пяток вепрей и на нового заработает.

В такой ситуации логичнее всего позвать на помощь полицию, то бишь местного шерифа. Если бы киборг попал в чужой капкан, лесник так и поступил бы. Сперва, конечно, все равно попытался бы сам поймать преступника, это дело чести, но раз не вышло — лучше маленькая награда, чем никакой.

Если Женька сделает вид, что он тут ни при чем, то шериф расстреляет капкан и отправит в криминалистическую лабораторию, где, возможно, сумеют определить ДНК установщика. Доказывай потом, что ставил ловушку именно на браконьера, а не на кабана! Причем то, что Женька лесник, только усугубляло дело. За время службы он растерял много друзей и знакомых — все они почему-то были уверены, будто с ним легко договориться или дать на лапу, а получив категорический отказ, искренне удивлялись и возмущались. Через какое-то время Женька с изумлением узнал, что о нем ходят слухи — мол, Ле-

ший сам вепрятинкой приторговывает, просто делиться не хочет и напрямую ее инопланетникам толкает. Женька догадывался, кто их распускает, но старался не обращать на это внимания, к честному человеку такая грязь не липнет.

А вот шериф еще как обратит. Начнется расследование, проштрафившегося лесника временно отстранят от работы, браконьеры радостно потрут руки...

Женька удрученно подумал, что, кажется, в капкан попал вовсе не киборг.

Следующая мысль была еще ужаснее: Женька понятия не имел, чем сейчас занят браконьер, зато тот совершенно точно знал, что лесник надежно нейтрализован в балке!

Проигрывать надо красиво или хотя бы спокойно, но две бессонные ночи лишат самообладания кого угодно.

При виде приближающегося лесника киборг принял однозначно враждебную позу, с точностью лазерной рулетки оценивая сокращающееся расстояние до противника.

— Передай своему хозяину, — с ненавистью выпалил лесник ему в глаза, то есть во встроенные камеры, — что он полный убудок и я до него еще доберусь!

Киборг, разумеется, не ответил, но Женьке померещилось, что браконьер с таким же чувством смотрит на него «с другой стороны».

* * *

До вечера лесник успел облететь самые кабаньи и одновременно проблемные места, вымотался как собака, зато успокоился: все вроде в порядке. Даже встретил еще одну свиноматку с поросятами, упитанными и бойкими.

Этой ночью Женька наконец-то выспался, а утром его официальным приказом выдернули в столицу, на недельные курсы повышения квалификации. В плане образования — абсолютно бессмысленная трата времени, все, что надо знать о лесе, Женька и так знал, а остальное — фантазии бюрократов, никогда не заходивших дальше опушки. Но хотя бы командировочные дали, да и с коллегами приятно встретиться, потрепаться за жизнь.

Перед отлетом Женька думал навеститься в балку, но место, где он проторчал почти двое суток и потерпел такое позорное фиаско, вызывало у него отвращение. Браконьер уже наверняка забрал своего киборга, а кабаны так надежно распуганы, что ставить капкан заново нет смысла.

В итоге Женька дотянул до упора, когда пора все бросать и мчаться на аэростанцию. Использовать служебный флайер для личных нужд не разрешалось, и хотя при необходимости лесник без особых угрызений совести летал на нем в ту же столицу, так откровенно палиться перед начальством не хотелось.

Курсы проходили в здании родного техникума на краю города, и съехавшихся на них слушателей поселили в до боли знакомом общежитии. Даже ремонт, кажется, с тех пор не делали. Женька бросил на кровать свой неразлучный рюкзак, подошел к окну и вздрогнул: оно выходило уже не на лес, а на новостройку. Столица разрасталась, природа отступала.

— Привет, коллега! — На соседнюю кровать грузно опустился незнакомый мужчина лет на десять старше Женьки. — Ты из какого района?

— Северное Омлошье.

— А его разве не упразднили? — удивился сосед.

В лесничестве давно ходили слухи, будто большую часть района собираются отдать под фермерские хозяйства, а меньшую — присоединить к соседнему, но пока, тьфу-тьфу-тьфу, приказа о тотальной расчистке не поступало, велись только плановые и санитарные вырубki.

— Нет, — коротко ответил Женька. — Надеюсь, и не упразднят.

Лекции, как Женька и ожидал, оказались невероятно скучными и пустыми: про передовые технологии ухода за лесопосадками («А передовое оборудование для этого нам кто-нибудь даст?!»), про важность техники безопасности и правильного режима труда и отдыха (дружный хохот в аудитории), про новые инвазивные виды и методы их контроля (это было бы интересно, если бы Женька не следил за темой в инфранете, а так он и сам мог по ней лекции читать). Но в субботу предстояло сдавать зачет, так что приходилось вслушиваться и вдумываться.

Настоящая учеба начиналась вечером, когда лесники собирались у кого-нибудь в комнате, вспоминали студенческие деньки и делились реальным, живым опытом. В такой компании Женька чувствовал себя непривычно свободно и уютно, здесь его работу воспринимали всерьез, а не смотрели со снисходительной жалостью, как на малость сдвинутого: «А-а-а, лесник...» Не то чтобы это заставляло Женьку усомниться в выборе профессии, но такого же одержимого ею напарника ему все-таки очень не хватало.

Успешно сдав зачет (принцип тот же: пришел на него — уже молодец!), в воскресенье лесник удрал с торжественного фуршета, едва тот начал перерастать в пьянку. Родители Женьки переехали из поселка в столицу, когда он учился на втором курсе, и, в отличие от будущего лесника, прекрасно там прижились. В доме, как всегда, царила атмосфера жизнерадостной психушки: две сестры успели выйти замуж, и новое поколение ползало по полу вперемешку с кошками, собаками и даже микрирующей эдемской черепахой, на которую Женька чуть не наступил; братья и зятья смотрели футбольный матч, шумно болея за любимую команду; мама непрерывно что-то готовила; папа философски попыхивал трубкой на веранде. Все они Женьке бурно обрадовались, завалили расспросами и рассказами, сунули в одну руку свежий пирожок, а в другую — свежего племянника, требуя немедленно одобрить обоих. Женька тоже соскучился по родне, но пять часов спустя, по дороге на станцию, в его душе преобладало чувство глубокого облегчения: ура, все долги отданы и можно вернуться в свой тихий, уютный модуль!

Когда огни столицы остались позади, Женька прижался лбом к холодному окну аэробуса, тщетно пытаясь вычленить из расстилающейся внизу черноты знакомые очертания леса. Во время курсов он старался не думать о своих проблемах, да и времени-то особо не было, но сейчас они настигли его, как отпущенная резинка. Интересно, передал ли киборг хозяину послание лесника и как долго браконьер над ним смеялся? А главное, что они успели в отместку натворить?!

* * *

После завтрака Женьке все-таки пришлось идти в балку, потому что перед сном его кольнула тревожная мысль: а вдруг браконьер попытается подставить лесника и анонимно отправит останки капкана в полицию? Далекое не факт, что шериф станет рассматривать подобную клязу, к тому же сам по себе кусок капкана ничего не значит — может, Женька просто проверил, рабочий ли он, и сразу собственноручно уничтожил. Но все равно надо убедиться, что там просто обугленная земля, а не дырка на месте выковырянной улики.

Соскучившийся за неделю Филька увязался за лесником и дошел с ним до самой балки. Женька облегченно вздохнул: этой ночью кабаны обновляли тропу, вон раскопанный мох, вот растоптанный трупик старого, пожелтевшего и слишком

горького груздя. Филька принялся с энтузиазмом что-то вынюхивать, а потом чавкать.

Через триста метров тропа оборвалась, исчезла под зеленым ковром. Кабаны долго крутились на этом месте, даже лежки устраивали, а потом почему-то повернули назад. Лесник обернулся — Филька тоже куда-то пропал.

Женьку охватило нехорошее предчувствие. Не доставая станнер, он ускорил шаг, поднырнул под упавший ствол, пролез между кустами — и выругался.

Капкан был на месте. Как и киборг. Еще более обтрепанный, грязный и заметно исхудавший, комбез мешком болтается. За неделю он кругом выел мох, куда дотягивался, и, как кабан, перекопал землю в поисках личинок и узлов грибницы, обломав все ногти. Нашел вряд ли много, здесь же до него постоянно вепри паслись. Да и мох, богатый влагой, в качестве еды был пустышкой, причем ядовитой — по крайней мере, телята иногда им травились.

На Женьку, впрочем, киборг отреагировал все так же: развернулся к нему в полной боевой готовности.

— Ну и где твой, мать его, хозяин?! — бессильно выругался лесник. — Какого черта он тебя не забрал?!

Может, у браконьера нет подходящего оружия? Уж за неделю-то мог бы достать! Лазерные ружья есть у большинства фермеров, для отстрела полевых вредителей и охоты на зайцев, слишком резвых для станнера. Женька тоже подумывал о личном оружии, оформить на него разрешение несложно, но решил, что ради голых понтов такая цацка ему не нужна. На браконьеров с ней все равно охотиться нельзя, а на животных не хочется.

— Ты почему хозяина на помощь не зовешь, а? — от безысходности обратился лесник к киборгу. — Скинул бы ему сообщение: мол, энергия на исходе, приди хоть покорми!

Чтобы продолжать крыситься на Женьку, энергии киборгу вполне хватало. Говорить с ним было так же бесполезно, как с рвущимся с цепи псом, — только еще больше бесится.

Тут Женька заметил, что гарнитуры на ухе киборга больше нет, и когда она исчезла, лесник не помнил. В первую ночь точно была, а потом он не присматривался. Сломалась? Разрядилась? Сорвалась и отлетела за пределы досягаемости? Да какая разница, браконьер же не мог не хватиться своего киборга! Да и капканы он должен регулярно проверять, они же, к счастью, дорожные, иначе ими весь лес был бы утыкан.

Похоже, браконьер отрекся от киборга окончательно и бесповоротно.

Леснику понадобился час бессмысленной ходьбы туда-сюда по балке и вокруг киборга, чтобы понять: сами они из этого тупика не выберутся.

Женька обреченно достал видеофон.

— Леший, ты что, рехнулся?! — У трехмерного изображения шефа был такой вид, словно оно сейчас вытянет руки за границы голограммы и придушит злосчастного лесника. — На кой ляд ты вообще ставил этот долбаный капкан? А если бы в него человек попал?!

— Черт попутал, — честно признался Женька. Кто ж знал, что эта рогатая скотина так извращенно исполнит его просьбу о киборге! — Увидел мертвую кабаниху с поросятами, психанул, ну и...

— «Ну и»! — глумливо передразнил его Борисыч. — Ты бы еще мину-растяжку поставил, чтоб кишки по деревьям развесило! Да ты вообще соображаешь, под какую статью нас подвел?!

— Это же всего лишь киборг... — виновато пробубнил Женька.

— Это чье-то ценное имущество! — раздраженно перебил его шеф. — Которое ты, считай, украл! А дома без него, может, ребенок или инвалид плачет!

— Григорий Борисович, я клянусь вам, что этот киборг принадлежит браконьеру! Это именно он мне на той неделе чуть голову не проломил!

— Клянешься?! Да эти куклы на одно лицо, их же партиями штампуют! Твой браконьер заявит, что послал кибера грибочков к ужину наловить, и мы ничего не докажем, при нем ведь ни оружия, ни дичины не было, так? Ну вот! Зато его хозяин запросто может на нас в суд подать!

— Не подаст, — неуверенно возразил Женька. — Побойтся.

Борисыч, видимо, тоже рассудил, что если бы браконьер не сомневался в своей безнаказанности, то давно бы объявился. К тому же гражданский киборг с лицензионным ПО спокойно подпустил бы к себе постороннего человека и выдал ему минимальную информацию для связи с хозяином — номер видеофона, адрес электронной почты или хотя бы предложил передать сообщение.

— Значит, так, — уже спокойнее сказал шеф. — В данном случае мы имеем обнаруженное службой лесхоза незаконное

ловчее устройство, в котором находится неуправляемый киборг, принадлежащий неустановленному лицу. Поскольку оба они представляют угрозу для животного мира и местного населения, а за неделю владельцы так и не объявились, было принято решение уничтожить браконьерское оборудование.

— Как это — уничтожить? — опешил Женька. — И киборга?!

— А что с ним еще делать? Ты же сам говоришь, что его в боевом режиме заклинило. Ну так сделай подтверждающую видеозапись и пристрели его к чертям свиначьим!

— Из чего?! У меня только станнер!

— Твои проблемы. Сам нагадил, сам и подчищай, — веско сказал Борисыч. — И не забудь прислать отчет! «К сожалению, в процессе забоя голова киборга оказалась сильно повреждена, и провести ее экспертизу не представляется возможным. Недобросовестному сотруднику объявлен выговор с лишением квартальной премии». Все, выполняй!

— Но...

Связь оборвалась.

Женька понимал, что Борисыч и так оказал ему огромную услугу — в первую очередь тем, что поверил. И прикрыл, дав восторжествовать духу, а не букве закона, ведь шериф решил бы вопрос с киборгом и капканом точно так же. Даже если киборг подчинится полиции, освобождать его не станут — на месте допросят и пристрелят, а голову криопочтой пошлют в «DEX-компани», это Женька уже по инфранету выяснил. Вызывать по такой ерунде специалиста-кибернетика нет смысла, а доверять бандитской технике опасно, мало ли какая программа в нее заложена. Браконьер же в любом случае выйдет сухим из воды: если по останкам киборга и удастся определить его официального хозяина, это, скорей всего, будет совсем другой человек. Чтобы купить-продать киборга на Эдеме, достаточно устного договора между людьми с передачей сопроводительных документов. Юридическую канитель разводят, только если совсем уж не доверяют друг другу. А может, этот киборг вообще краденый, потому браконьер так легко его и бросил!

И все-таки...

— Ну что, слышал? — с напускной бравадой обратился Женька к киборгу. — Все, хана тебе! Сам виноват, что с браконьерами связался!

Легче не стало, только отвращение к себе добавилось.

Женька мрачно подумал, что Борисыч поверил ему вовсе не за красивые глаза и не за безупречную репутацию. Просто ме-

нее принципиальный (или более решительный?!) человек еще неделю назад закопал бы кибертруп в чаше, не беспокоя начальство по таким пустякам.

* * *

Оружие, лазерное ружье-мелкашку, лесник одолжил у Саныка, своего бывшего одноклассника — высокого, тощего, с вечно сальными светлыми волосами до плеч, хотя Санек мыл голову каждый день, а ел вообще за двоих. В школе они с Женькой были не разлей вода, потом дорожки как-то разошлись, но лесник по-прежнему считал наладчика домашних систем лучшим другом, почти братом.

— Зачем оно тебе? — чисто для проформы спросил Санек, уже открыв сейф.

— Фреанский капкан снять, — буркнул лесник, отводя глаза. Вообще-то другу мог бы и рассказать, тот не станет трепать языком — хотя бы потому, что Женька тоже много его секретов знает. Но этот секрет какой-то совсем позорный, им не страшно, а стыдно делиться.

— Свое-то когда купишь? — беззлобно упрекнул Санек. — Третий раз за год!

— Да вот придется, похоже...

Женька взял ружье и, скомканно попрощавшись, ушел. Отчет был уже написан, самую мерзкую часть работы лесник оставил напоследок, подозревая, что после нее собратиться с мыслью будет еще сложнее. Ну и, чего греха таить, надеялся, что браконьер все-таки одумается.

Женька уже ненавидел эту балку.

Киборг, похоже, тоже. Изможденный вид прекрасно заменял ему эмоции, а с Женькиными вообще творил черт-те что, заставляя чувствовать себя палачом в концлагере.

«Надо было ночью прийти, — с досадой подумал лесник, — когда у него глаза светятся и сразу ясно — не человек». Спровоцировать его, что ли, как-нибудь? Чтобы снова бросился. Но ведь может и достать, холостых выпадов киборг не делал, берег силы. К тому же Женька слишком хорошо понимал: днем или ночью, неподвижный или размахивающий кулаками, против человека с ружьем киборг все равно абсолютно беззащитен.

Лесник приблизился к пленнику метров на семь. Можно еще пару шагов сделать, киборг не достанет, даже если снова распластается по земле, но Женька и так словно до упора сжал невидимую пружину.

Проблема заключалась даже не в самом факте «убийства» человекоподобной машины. Один раз Женька как-нибудь пересилил бы себя, выстрелил. Представил бы, что это манекен или компьютерная симуляция, как в армии.

Но ружье было маломощным, для охоты на мелкую дичь или вообще для стрельбы по банкам. Из него даже человека завалить сложно, тонкий лазерный луч оставляет маленькие, самозапаивающиеся дырочки. Киборга придется буквально изрешетить ими или искромсать в режиме бесперебойной подачи энергии.

— Мне тоже это совершенно не нравится, честное слово, — глупо пробормотал Женька, поднимая ружье и зажмуривая левый глаз, хотя очень хотелось — оба.

Киборг смотрел не на оружие, а Женьке в лицо. Очень выразительно смотрел, пусть и всего лишь камерами. Словно понимал, что обречен и пощады не будет, — но это не повод сдаваться. Настоящие воины умирают стоя, с гордо поднятой головой.

Лесник честно целился в нее, чтобы покончить с этим как можно быстрее, но, видимо, чем-то выдал себя за миг до нажатия гашетки, и киборг дернулся на уклонение одновременно с ним. Луч все-таки попал в мишень, чиркнул по плечу, распахав комбез и кожу. Вверх потянулась струйка дыма, ветер смахнул ее в сторону Женьки, и тот чуть не выронил ружье, подавившись рвотным спазмом.

Кажется, это продлится дольше, чем он думал. И закончится еще более неприглядно.

Женька продышался, снова поднес ружье к плечу и прицелился на этот раз в корпус — так у киборга меньше пространства для маневра. А может, ноги ему сперва подрезать, чтобы меньше дергался? У самого паха, чтобы капкан не повредить.

Лесник представил, как полуобугленный киборг будет до последнего корчиться на земле, пытаясь вернуться, уползти... И отчетливо понял, что больше не сможет нажать на гашетку. Ни за какие деньги. Ни даже ради спасения репутации. Не сможет, и все. Точка. Хоть стреляйте в него самого. Да, это всего лишь киборг. А Женька — всего лишь человек, и правильно он сделал, что не остался в армии!

— Ну и черт с тобой! — пробормотал он, опуская ружье. — Подыхай от голода, раз тебе это больше нравится! Мне так даже проще!

Стоило Женька принять решение, как ситуация предстала перед ним в ином свете. А ведь никто действительно не застав-

ляет его немедленно убивать киборга! Борисычу достаточно отчета, голографий изувеченного трупа он не просил. В балку никто, кроме кабанов, лесника и браконьера, не зайдет, а кричать, призывая на помощь, киборг не станет. Просто постепенно ослабнет... то есть разрядится!.. и умрет, то есть отключится.

Человек может прожить без еды месяц, без воды — три дня. Киборг сидит тут уже одиннадцать, хоть и не совсем натошак. Мох постепенно сползлся обратно, затягивая проплешину, однако растет он довольно-таки медленно. Обволочь предмет, чтобы урвать побольше солнечного света и органических удобрений, — это одно дело, но именно расти — нет. По краям обожженного круга дернина раздергалась и просвечивала, киборга она не прокормит, даст только короткую отсрочку неизбежного. Неделя, максимум две — и проблема решится сама собой.

А до тех пор Женька в балку ни ногой.

— Что ж, прощай! — с кривой улыбкой бросил лесник и, развернувшись, пошел обратно по тропе.

Взгляд киборга буравил ему спину, в носу до сих пор стоял запах горелого мяса.

* * *

Три дня Женька честно держал слово, ему и без киборга забот хватало. За неделю скопилась куча дел, к тому же давно пора было провести санитарную прочистку делянки номер шесть-а. Лесник еще весной заметил, что там как-то многовато засохших омлохов. Надо спилить их, освободив место для новых деревьев, и на всякий случай отправить пробы в лабораторию. Погибший омлох не годится ни на силос, ни на дрова — слишком сочный, за пару лет подгниет и сам рухнет, хорошо если не кому-нибудь на голову.

Расчленять молекулярной пилой мертвые стволы было намного проще и приятнее, чем живого киборга... Тьфу! Как бы еще перестать вспоминать его каждые полчаса?! Женька ненавидел себя за слабоволие, но логическая цепочка работала безотказно: лесник зашивается без помощника — леснику нужен киборг — киборг медленно умирает в балке. Да хватит уже, отпусти эту ситуацию, тряпка! Браконьеру на киборга плевать, начальству плевать, сам киборг вообще ничего не чувствует, и страдает тут только Женька, зачем-то примеряя ситуацию на себя!

Спилы леснику не понравились. Сердцевина черная и в мелких дырочках разного диаметра, от которых эта чернота и

расползается. Раньше Женька ни с чем подобным не сталкивался, похоже на грибковую инфекцию. Но деревья погибли давно, а их соседи выглядели пышными и здоровыми. Что бы ни убило омлохи, зимой оно, похоже, само сдохло.

Закончив работу и упаковав образцы во флайер, лесник высыпал сваленные стволы порошковой биоприсадкой, которая на порядок ускорит их превращение в труху и заодно подавит развитие вредных микроорганизмов. Хорошо бы дождь пошел, запустил процесс. И киборг тогда сможет напиток... Ну вот опять! Не надо нам никакого дождя, посадка и от росы прекрасно разбухнет!

Солнце едва начало садиться за горизонт, а когда флайер взмыл под облака, опять от него оторвалось, словно застуканное за чем-то неприличным.

С высоты Женькин участок казался совсем маленьким. Похоже, начальство по такому принципу их и нарезало: да сколько тут того леса, за пять минут облететь можно! Угу, при максимальной скорости флайнера триста километров в час, а человек-то ходит в сто раз медленнее. В этом «клочке» даже насмерть заблудиться умудрялись, правда, еще до Женьки. Но мобильная сеть и сейчас устойчиво работала только вблизи поселка, а возле Ледникового озера из-за какой-то природной аномалии путался в показаниях даже навигатор.

Лесник окинул свою вотчину бдительным хозяйским взглядом, от озерного берега на северо-западе до лесистых холмов на северо-востоке и фермерских полей на юге. Вроде ничего нигде не дымится и подозрительных проплешин не видно.

Сверху балка выглядела как небольшая продолговатая впадина в древесном ковре. Если не знать, куда смотреть, то о ее существовании и не догадаешься. Смотреть Женьке совершенно не стоило — но тянуло, чтоб его, как на место преступления! Проще снизиться и развернуть машину, чем отвести взгляд.

Теперь флайер летел параллельно балке. Женька, нахмурившись и стиснув зубы, глядел строго вперед, но, когда слева по курсу из леса с истошным, пробившимся даже сквозь обшивку галдежом выпорхнула стайка птериксов, леснику волей-неволей пришлось обратить на нее внимание. Что, интересно, так их напугало? Крылатые птицеящеры кормились на земле и летали очень неуклюже — вон уже посыпались обратно, — но в случае опасности свечой взмывали вверх на высоту до пятидесяти метров.

Женька подвел флайер поближе и убавил скорость до минимума. Птериксы — молодые мохноклювые самцы, сбившиеся в

холостяцкую стаю, — подозрительно косили на него желтыми выпуклыми глазами и перепархивали с ветки на ветку, однако продолжали держаться в верхнем ярусе крон.

Под брюхом флайера медленно проплыла прогалина, на которой лесник обычно парковался. Но не успел Женька категорично сказать себе «нет!», как полянку пересек один кабан, другой, затем сразу штук пять годовалых подсвинков, с высоты похожих на бегущих с корабля крыс, — такие же бурые и стремительные.

В балке явно творилось что-то неладное. К прикованному киборгу зверье уже привыкло, а от другого спустившегося в балку человека беззвучно рассосалось бы по кустам. Значит, киборга обнаружил либо шериф, всегда обставлявший свое появление с помпой в виде мигалок и сирены, от которой даже люди подсказывали, либо браконьер пришел не только забрать киборга, но и отомстить за него.

При любом раскладе Женьке стоило последовать примеру птериксов и кабанов, однако дурная голова (все-таки что-то киборг в ней отшиб!) в очередной раз не дала ногам покоя. Посадив флайер, лесник сперва приоткрыл дверь и прислушался. Что-то тихо, даже птериксы заткнулись. И единственное не заметное с воздуха место, куда можно приткнуться полицейский флайер, пустовало.

Женька вытащил станнер, глянул на индикатор заряда. Ну почему он такой дурак, а?! Одна надежда, что браконьер еще не успел или не смог освободить киборга.

Лесник крадучись, пригибаясь и стараясь держаться ближе к кустам (чисто психологический эффект, киборга такими жалкими уловками не провести), направился к спуску в балку. Да, кабаны выбежали именно отсюда. По свежим отпечаткам копыт скакали, забавно горбя спинки, два темно-зеленых тантула, смахивающие на ожившие ленточки мха. Выглядело это так, будто они за вепрями и гонятся, хотя пределом мечтаний (и возможностей!) маленького эдемского хищника был жирный заяц. Тантулы прошмыгнули между Женькиных ног, словно не заметив, что к ним приделан человек, и скрылись в кустах на склоне.

Лесник озадаченно замер и понял, что в балке ни черта не тихо. Шуршали кусты, все одновременно и в то же время разрозненно, не как под ветром. Шевелился мох, сквозь который мчалась наутек или к норам мелкая живность.

Именно так звучит панический ужас.

Да что там случилось-то?! Они эту балку подожгли, что ли?!

Женька плюнул на конспирацию и открыто побежал по тропе навстречу невидимому урагану.

Его эпицентром действительно оказался киборг — только вернулся за ним не браконьер, а сыроежки. Они кочевые, как саранча, и якобы совсем безмозглые, но лесник уже не раз убеждался, что вместе грибы обладают чем-то вроде коллективного разума — чем больше стая, тем умнее. Саранча тупо прет в одном направлении, выкашивая все на своем пути, а сыроежки запоминают места, где им удалось пожить, и периодически туда наведываются. От них только одно спасение: драпать что есть мочи, благо адреналин способствует. Догнать бегущего человека сыроежки не способны и больше полукилометра его не преследуют, безнадежно отстают и останавливаются.

Женька примчался в самый разгар атаки: сыроежки сперва окружают жертву, потом на пробу прыгают на нее то с одной стороны, то с другой, а затем внезапно накатываются все разом. Киборг превратился в огромный колышущийся ком, из которого фонтаном летели красные брызги и ошметки, словно внутри работал нож блендера. Жуткое и завораживающее зрелище с, увы, предсказуемым финалом. Лесник впервые видел такую огромную стаю, ей даже та кабаниха была на один зуб, хотя, наверное, тоже отчаянно топтала и рвала облепившие ее грибы.

Наверное, Женька так и простоял бы столбом до самого конца, если бы в шуме схватки ему не померещился короткий затравленный вскрик. Скорей всего, натянутые нервы приняли за него звук, с которым рвалась очередная сыроежка, но это дошло до лесника гораздо позже — когда он опять все испортил.

Под разрядами станнера сыроежки слоями осыпались с киборга, снова лезли, затягивая брешь, некоторые даже угрожающе заскакали к самому леснику, но поодиночке справиться с ними было несложно, достаточно хорошенько врезать тяжелым берцем, как по живому волейбольному мячу.

Последнюю сыроежку киборг убил сам и немедленно переключился на более актуального противника.

Звук был такой, словно к Женькиному лицу со всего размаху припечатали сочный, увесистый кусок мяса. Ощущения — тоже. Сила, с которой киборг запустил в лесника разорванной сыроежкой, опрокинула бы более хлипкого человека навзничь, а то и отправила в нокаут. Женька каким-то чудом умудрился устоять на ногах, вскинул руку, и следующая сыроежка вреза-

лась ему в локоть. Целая, просто оглушенная, и Женька все-таки упал, кое-как перевернулся и на четвереньках драпанул прочь. Второй удар был как мощный пинок под зад, ощутимо придавший леснику ускорения, следующий — чуть послабее, зато пришелся в более чувствительную точку, заставив Женьку взвыть.

Стоило леснику отползти на двадцать метров, как обстрел прекратился, хотя боезапаса у киборга осталось еще порядочно. Но вероятность причинить врагу хоть какой-то ущерб исчезла, и тратить на это жалкие остатки энергоресурса не имело смысла.

— Ах ты, падла неблагодарная! — выругался Женька, вставая и обтирая лицо от клейкой, немедленно начавшей стягивать кожу грибной лимфы. Локоть болел так, словно по нему стукнули молотком, зад тоже требовал отмщения.

«И за что, по-твоему, я должен тебя благодарить?!» — выразительно молчал киборг, тоже с ног до головы измазанный и этой дрянью, и собственной кровью. Токсичные укусы не прошли даром: пленник с заметным усилием всасывал воздух приоткрытым ртом, непрерывно переминаясь на месте, чтобы сохранить ускользящее равновесие. Тем не менее стоило какой-нибудь из оглушенных сыроежек зашевелиться, как киборг стремительно на нее бросался и убивал.

Женька зло наподдал ногой ошметок гриба. Помог, называется! Вот зачем, спрашивается, влез?! Да, такую смерть быстрой и легкой не назовешь, к тому же после нескольких укусов жертву обычно парализует, и дальше сыроежки уже пируют не спеша, со вкусом. Но это все-таки вопрос нескольких часов, а не дней! К тому же и закапывать легче было бы.

А теперь Женька ему еще и провизии подкинул, растянул «удовольствие»! Правда, в это время года сыроежки даже кабаны не едят — затопчут, и все. Относительно съедобными эти грибы становятся только к середине осени, когда подкопят жирка, нейтрализующего яд. Но кабаны и мох не жрут, так что кто этих киборгов знает!

— Слушай, давай ты минутку постоишь спокойно, а я быстренько отключу капкан — и вали на все четыре стороны! — отчаянно, но неискренне предложил Женька.

Он вряд ли рискнул бы подойти к киборгу, даже если бы тот внезапно присмирел, а значит, и киборга ему убедить не удалось. Пленник продолжал задыхаться, пошатываться, но дер-

жать глухую оборону. «Ты же в прошлый раз так пафосно попрощался, какого черта тебя опять сюда принесло?!»

Женька все-таки выждал полчаса, но токсин киборга так до конца и не пробрал. Даже как будто отпускать начал. Эх, какая мощная техника зазря пропадает! Реально неубиваемая, а голыми руками живую сыроежку порвать — это даже круче, чем завязать узлом стальной прут. Она же сплошной мышечный мешок, еще и скользкий.

— Ёпт, кому-то позарез киборг нужен, а кто-то ими расшвыривается! — в сердцах бросил лесник и в очередной раз покинул поле боя с надранной уже в буквальном смысле слова задницей.

* * *

Ночью резко похолодало, налетел шквальный ветер и пошел-таки заказанный лесником дождь.

Идти на обход не имело смысла — ни заняться ничем путным вроде той же расчистки, ни браконьеров шугануть, они по такой погоде тоже дома сидят. Женька вяло слонялся по модулю, пытаясь то наводить порядок, то заполнять сопроводительные документы для вчерашних образцов древесины, то играть на компьютере, что почему-то оказалось еще скучнее. За окном стояла унылая, беспросветная хмарь, только усугубляющая настроение.

Кое-как дотерпев до вечера, Женька переоделся в цивильное и полетел в поселок при аэростанции — самый близкий островок цивилизации. Через него проходили не только рейсовые планетарные суда, но и космические, в основном частные транспортники. Гасились они на орбите, а здесь брали или сдавали грузы.

Кафешка при станции была маленькая и паршивая, в ней даже еду не готовили, просто разогревали замороженные полуфабрикаты. Но вечер скоротать сгодится.

— Привет, Рейчел!

— Привет, Леший, — дежурно улыбнулась официантка. — Что будешь заказывать?

Женька предпочел бы менее формальную улыбку, хотя и эта заставила его сердце учащенно погнать кровь к щекам и ушам. Рейчел, школьная королева красоты, оставалась королевой даже в сером платье с кружевным фартуком, подчеркивающим шикарную фигуру, а длинные волосы ультрамодного цвета фуксии потрясающе сочетались с ярко-зелеными, чуть раско-

сыми кошачьими глазами. И как она умудряется ходить на таких высоченных тонких каблуках, не выглядя при этом кабаном на льду?! А уж ее декольте... Злые языки болтали, мол, Рейчел так выделяется для космолетчиков, надеясь, что один из них заберет ее из здешней дыры, но Женька в это не верил. Да такую красавицу в первый же день забрали бы!

— Черный кофе, острую пиццу и... — Лесник замялся, но все-таки договорил: — Порцию виски. Вон того, самого простого.

Дешевого то есть.

— Оу, — иронично мурлыкнула Рейчел. — Да ты сегодня кутишь!

— Типа того... — окончательно смутился Женька.

Ну почему при ней он вечно превращается в тупого неуклюжего дебила?! А теперь еще и пьющего.

Виски Рейчел принесла сразу, пока клиент не передумал, остальное пришлось ждать. Пить Женьке совершенно не хотелось, но других антидепрессантов в кафе не подавали. Хоть ты иди расклеивай по станционному поселку объявления: «Забери своего ...го киборга, ...к!» Браконьер же наверняка заезжает сюда за провизией, здесь единственный крупный приличный магазин на тридцать километров окрест.

— О, Леший! — На стул напротив внезапно плюхнулся Санек, сжимающий в кулаке банку темного пива. — Тоже в город намылился?

— Нет, я так... посылку в лесничество отправлял, ну и решил сюда заскочить, кофе выпить... — промямлил застигнутый врасплох Женька.

— А-а-а! — Друг с понимающей ухмылкой уставился на Рейчел, неспешно и так эротично обихаживающую кофейный аппарат, что у того вот-вот пар изо всех щелей повалит. — Это точно, кофе тут вкусный! А у меня рейс в семь сорок, вот заглянул глотнуть чего-нибудь на дорожку. Начальство в командировку выдернуло, чтоб его!

Лесник вежливо поддержал разговор, поболтав кубиками льда в стакане. Саньку этого вполне хватило.

— Ну что, разобрался ты со своим капканом? Когда ружье вернешь?

Женька неопределенно пожал плечами и внезапно спросил:

— Сань, как ты думаешь, киборги могут чувствовать боль? И голод?

— Откуда?! — изумился друг. — Это же машины!

— Ну, тело-то у них человеческое.

— Тело человеческое, а мозги синтетические, — авторитетно заявил Санек. — А чувства только в мозгу возникают, все остальное — электронные импульсы. Чего тебя вдруг на философию потянуло? — Друг демонстративно принял. — Какой это уже стакан?

Женька не выдержал и все рассказал. Он сам из-за этого киборга уже несколько дней ни жрать, ни спать не может!

Санек отнесся к кибертрагедии с покоробившим Женьку легкомыслием, а когда рассказ дошел до обстрела сыроежками, от души посмеялся:

— Ну, зато теперь ты можешь пристрелить его без угрозы совести!

— Да в том-то и дело, что не могу! Он же живой! Он смотрит!

— Леший, ты же лесник! — шутливо упрекнул его друг. — Ты что, никогда подранков не добивал? Ну, которые совсем не живы?

— Добивал, — смутился Женька. — Но это же не подранок! И... не животное.

— Ну хочешь, я его пристрелю? — сжалился Санек. — До понедельника терпит?

— Да, но... А ты сможешь?

— Легко! — заверил его друг. — Мне как раз новое ружьишко должны подогнать, помощнее, будет на чем сравнить. Так договорились?

— Ага. — Женька вымученно улыбнулся. — Заметано.

* * *

Погода продолжала ухудшаться, ветер не унимался, и к воскресенью температура упала почти до нуля. Обычное дело для середины эдемского лета, тут только осень стабильна — плюс десять—двенадцать градусов, зато и днем, и ночью; на нее-то и приходится пик урожая благородных грибов, они не любят резких перепадов и заморозков. Это только всякая погань круглый год плодится, Женька видел ее следы даже на снегу.

Сиднем сидеть в модуле уже осточертело, но гулять по лесу стало не просто неудобно — опасно: один старый омлох рухнул буквально в пяти метрах от Женьки. После прохождения циклона таких будет много, новый фронт работ для лесника.

Поздно вечером позвонил Санек.

— Ну что, будем завтра по киберу стрелять?! — с такой надеждой спросил он, что Женьке стало противно.

— Не-а. Сам уже сдох, — неприязненно соврал он. — Погода-то вон какая, я сегодня даже не полетел никуда — сдувает.

— Жалко, — разочарованно протянул друг. — Балда ты, Леший! Не мог сразу мне позвонить?!

— А тебе так в человека пострелять хотелось?

— Это же не человек, — искренне удивился Санек. — Какая разница, в вирте с киберами рубиться или в реале? Они все равно просто программы.

— Если без разницы, то и рубись в вирте! — огрызнулся Женька и свернул разговор.

По крыше модуля снова застучал дождь, сильно и зло. Лесник подошел к окну. За ним было уже темно, но можно мрачно наблюдать за бегущими по стеклу каплями, грея руки о кружку с чаем. Кофе опять забыл купить... И сахар...

Вот только капли не бежали. Расплющивались о стекло, не хотя проползали несколько сантиметров и застывали, мутнели. Уже второй раз за этот месяц, хорошо, что эдемская растительность заточена под ледяные дожди. На Земле, говорят, от такого «катаклизма» весь урожай бы погиб и листья с деревьев осыпались.

— Н-да, что-то хреновое в этом году лето... — пробормотал Женька, неожиданно для самого себя отставил кружку и начал быстро одеваться.

* * *

Действительно — сдувало. Флайер то буксовал во встречном ветре, как в грязи, то внезапно рыскал в сторону. Капли в тонких ледяных капсулах разбивались о корпус, словно микробомбы, но Женька взял машину из теплого гаража и сразу включил обогрев, поэтому вода не застывала на обшивке, а дотаивала и стекала. Ночной полет в такой сильный ливень — все равно то еще удовольствие, ни черта не видно даже с прожектором, ориентироваться приходилось исключительно по приборам. Женька два раза проскочил мимо нужного места, уже хотел плюнуть и возвращаться домой, но тут дождь на минутку стих, и луч света выцепил-таки хрустально блестящую прогалину.

Посадив флайер, лесник с минуту неподвижно посидел в теплом, уютном салоне, собираясь с духом. Затем набросил на плечо ремень лазерного ружья, поглубже надвинул капюшон, выскочил наружу и еле успел ухватиться за край проема: ноги поехали по мокрому льду. Каждый листик и каждая мшинка

оделись в прозрачный панцирь, ветер прошивал кусты, как траву, а в балке выл, словно в трубе.

Под пологом леса стало получше, деревья приняли основной удар стихии на себя, однако над балкой их ветви сплетались не так тесно, и тропу тоже покрывал слой льда.

И не только тропу.

— Эй! — на пробу окликнул Женька.

Темная обледенелая глыба не шелохнулась. Пытаясь хоть как-то укрыться от непогоды, киборг подкопал землю и свернулся в ямке клубком, но даже у его выносливости был предел.

— Ну ёпт...

Лесник боязливо приблизился, осветил фонарем со всех сторон и даже осторожно потыкал киборга сперва палкой, затем носком берца. Никакой реакции. Лица не видно — обращено к животу и прикрыто руками. Притворяется, чтобы подманить врага? На это у него мозгов не хватит, иначе давно бы так сделал.

Женька разочарованно вздохнул, сам не понимая, зачем сюда приперся и на что рассчитывал. Может, на то, что киборг слишком ослабеет для боя и наконец откажется от этой идеи? Перестал же он швыряться сыроежками, когда понял, что это бессмысленно.

Ладно, ничего не попишешь. Лесник присел на корточки, провел ладонью по ноге киборга, нащупывая упругие нити капкана. Под пальцами опять потеплело, зашевелилось, словно Женька сунул их в кучу торопливо сползающих червей, и минуту спустя в руке лежала проклятая коричневая капсула. А что делать с трупом?! Бросить его в балке не позволяло иррациональное чувство вины — впрочем, не такой сильной, чтобы саперной лопаткой рыть могилу в темноте под дождем...

Ледяная корка, покрывающая одежду и волосы киборга, внезапно захрустела, пошла трещинами, и тело начало медленно разворачиваться.

Женька выронил капкан, шарахнулся от «трупа» и дрожащими руками направил на него ружье, продолжая пятиться.

Киборг все так же заторможенно перевернулся на живот, уперся ладонями в землю, включил глаза, навелся на цель и... снова скрючился в ямке.

— Да чтоб тебя! — устало выдохнул Женька, опуская ружье. — Куда опять лег?! Вали домой, иначе сдохнешь! Ты уже свободен!

Увы, ни это, ни брошенная в киборга ледышка не заставили того изменить мнение. Он предпочитал использовать свою свободу именно так.

Дождь снова усилился, уже не ледяной, но все равно зверски холодный, лесник даже в утепленной непромокаемой форме начал мерзнуть. У киборга комбинезон был совсем тонкий, на теплую погоду, да еще и весь изорванный.

Женька нащупал в кармане едва початый рулончик клей-ленты — липкой, прочной и при этом легко отдирающейся даже с шерсти. Универсальная штука: можно и надломленное деревце подвязать, и подвернутую лодыжку зафиксировать, и оглушенному из станнера кабану смотать ноги, чтобы не рыпался, пока будут брать пробы крови или куда-то перевозить.

Почувствовав близость врага, киборг снова начал шевелиться, вяло и неубедительно. Видимо, промерз так, что никакие имплантаты не могли заставить ооченевшие мышцы сокращаться. Осмелевший лесник окончательно лишил его такой возможности, весь рулон истратил.

Втащить связанного киборга по скользкому склону оказалось адовой работенкой. Женька дважды упал и скатился вместе с ним — в первый раз сам виноват, неудачно поставил ногу, во второй «помог» киборг, исключительно удачно выбрав момент, чтобы дрыгнуться. Так что в багажник Женька его уложил, прямо сказать, не очень бережно — свалил с плеча и затолкал поглубже, а потом долго стоял, упершись руками в закрытую дверь и переводя дух.

Похоже, самое веселье только начиналось.

* * *

Пока флайер летел и парковался в гараже, киборг лежал в багажнике абсолютно беззвучно. Женька даже решил, что он сдох, и машину обходил с замиранием сердца.

Однако стоило открыть багажник, как киборг коброй швырнулся ему в лицо, выпал на пол и принялся извиваться и подскакивать, силясь освободиться от пут. Сдох, ага! Отогрелся в жарко натопленной машине и снова заработал, сейчас самое время выпустить его к такой-то матери, точнее, к отцу-хозяину, но, судя по всему, уползать в болото без Женькиного трупа эта змеища не собиралась.

— Ведь пристрелю же, раз такое дело! — тоскливо пообещал лесник и, убедившись, что ни до каких колюще-режущих предметов киборг добраться не сможет, открыл внутреннюю дверь и зашел в модуль.

Ладно, в гараже сухо, безопасно и относительно тепло. Уж точно не хуже, чем в балке. И камера наблюдения есть, можно в любой момент посмотреть, что там творится.

Женька стянул и сразу затолкал в стиральную машину мокрую грязную форму, хозяйственно обтер берцы и поставил их на коврик у порога, чутко прислушиваясь к доносящимся со стороны гаража звукам.

Звуки отсутствовали, что становилось все более подозрительным. Женька окликнул домовую искин, запросил картинку с гаражной камеры. Киборг неподвижно лежал лицом к двери, глаза не светились. Да что с ним такое-то?! У него же вроде должна стоять программа самосохранения, а не саморазрушения!

Женька долил кипятка в брошенный на подоконнике чай и плотно засел за терминал. Нашел сайт «DEX-компани», просмотрел список самых распространенных проблем и способы их решения, которые по большей части заключались в «доставьте киборга в ближайший сервис-центр, и мы решим, сколько денег за ремонт с вас слупить». Ближайший центр находился в столице, час лета на флайере, но у лесника не было ни документов на киборга, ни, увы, лишних денег.

От безысходности Женька залез на форум кибервладельцев, в раздел «Техническая помощь» → «Вопросы новичков», и написал: «Конфисковал киборга в очень плохом состоянии, на контакт идти отказывается, сразу включает боевой режим и бросается, что делать?!» И прикрепил десятисекундное видео с гаражной камеры, самый наглядный момент.

Уже через минуту появился первый комментарий: *«Ты что, дебил?! Срочно звони в «DEX-компани»!»*

И следующий: *«Короче, слушай сюда: берешь топор на длинной ручке...»*

Дочитывать Женька не стал.

Третьей в ветку влезла какая-то Черная Вдова: *«А вдруг он бракованный и это срыв?!»*

«Тем более пусть срочно звонит!»

«Парень, а ты где находишься? Готов купить кибера как есть, самовывозом.»

«Не продавай ему, это извращенец!»

Завязалась оживленная дискуссия с переходом на личности.

Разочарованный Женька понял, что здесь он помощи тоже не дождется, и уже собирался разлогиниться, как вдруг терминал мелодично тренькнул — с форума пришло личное сообщение от какого-то 3-Х.